

Н.Н. Александров

**ДЕКАДАНС
И СТАГНАЦИЯ**

Москва, 2011

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ЗАМЕТКИ О ПОХОЖИХ ВРЕМЕНАХ

(статья первая)

2. ДЕКАДАНС И СТАГНАЦИЯ

(статья вторая)

3. ДЕКАДАНС КАК ОН ЕСТЬ

(статья третья)

4. О ПОЗДНЕМ ГОТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ КАК ДЕКАДАНСЕ

(статья четвертая)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗАМЕТКИ О ПОХОЖИХ ВРЕМЕНАХ (статья первая)

«Наступает стагнация. И об этом уже говорит президент».

А. С. Михалков-Кончаловский, 27.11.2010, Первая программа ТВ.

«Декаданс... не стиль, даже не течение, а настроение и тема, которые в равной мере окрашивают и искусство, и философскую, научную, религиозную, общественную мысль»

Омри Ронен

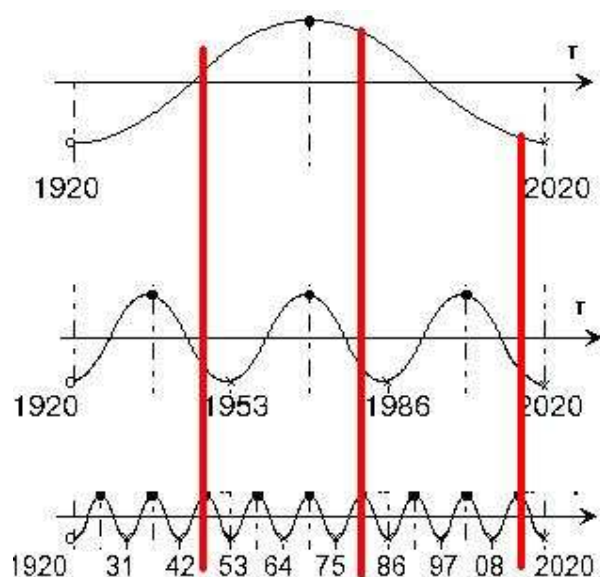
Про последнюю стагнацию некоторые еще помнят. Это был конец брежневской эпохи. Она имеет характерный «трупный» запах. Тогда подряд умирали престарелые генеральные секретари, но пахло не столько от них, сколько от всей системы власти, которая просто сгнила. Вспоминать об этом мне понадобилось постольку, поскольку прошло ровно 33 года: одно поколение. И у этого нового поколения подступила их собственная стагнация. Термин стагнация, или застой, от латинского *stagnatio* — неподвижность, или от *stagnum* — стоячая вода. Система становится невосприимчивой к любым нововведениям. И тем самым... дальше понятно?

Если не очень понятно, поясню на схеме циклов. В столетнем цикле мы переживает три локальные поколенческие стагнации, это 11-летние циклы:

- 1) сталинскую послевоенную, с пиком в 1947-8 году,
- 2) брежневскую, с пиком в 1980-1 году,
- 3) и последнюю, с пиком в 2013-14 году.

Это так же верно, как то, что в 1920-31, и потом в 1953-64, и потом в 1986-97 наблюдались три «реконструктивных периода», три рывка, три кардинальных социальных перестройки. Они открывают 33-хлетний цикл поколения, а стагнации его завершают.

Это так же верно, как то, что 1937 год есть пиковый год сталинского периода, 1970-71 годы есть пик среднего периода СССР, и 2001-02 годы есть достигнутый пик стабильности для нашего последнего поколения. После этого идет сползание к недавнему кризису, а после 2008 года – стагнация.

Эстетический прогноз

В этом самом пике брежневского застоя, когда я только-только увлекся циклами и уже построил эту модель, у меня получалось, что мы скоро вступим в период *архаики низменного* (1986-1997). И выразится она в стиле «русского натурализма». С началом перестройки один из моих учеников понял эту тенденцию и даже подготовил некую презентацию, с тем, чтобы продать этот прогноз или коммерчески опередить свое время. Продавец он оказался хороший, но только у него лучше пошли кролики и «вареные» джинсы, а спроса на прогнозы «не оказалось». Хотя реально он мог бы опередить многих и многих, но фантазии и навыков не хватило. Так что знать будущее и суметь этим воспользоваться – вещи разные.

Я вспомнил про это, поскольку мой тогдашний прогноз полностью оправдался, а он был дан за пять и более лет до появления всякого рода «600 секунд» и сериалов типа «Улицы разбитых фонарей» и т.д. и т.п. Стиль «русского натурализма» жив до сих пор, хотя теперь он сосуществует наряду с гламуром и понемногу последним вытесняется в область надоевшей чернухи и милицейских сериалов.

Большинство из тех, кто читали мои статьи на АТ о цикле XX века, задают мне один и тот же вопрос: *и каков прогноз нашего мироощущения в обществе* на ближайшее время? Настроение общества, ментальная окраска?

Я отвечаю однозначно: мы входим в декаданс. Это крайняя стадия все того же натурализма, но совершенно формальная и довольно зловонная.

Определить всю ее специфику можно методом от противного. Или даже от очень противного. Декаданс – это то, что очень противно нормальному человеку и нормальному обществу.

На что будет похож наступающий этап?

Конечно же, на все декадансы в истории мирового искусства.

Декаданс (от фр. Decadence – упадок, разложение; от лат. Decadentia – падение) – понятие историко-культурное, ментальное.

Как жизненная позиция, ***декаданс всегда возникает на переходах больших ментальных циклов.*** Если брать наиболее крупные, формационные циклы, то можно найти и соответствующие декадансы с коренным и характерным для него аморализмом и настроением отчаяния.

1) Цикл первобытнообщинного строя: декаданс конца энеолита, связанный с разложением первобытности и сменой норм поведения. Возникает индивидуальная рефлексия по поводу обычаев и традиций.

2) Цикл античности: римский декаданс – момент разложения Древнего Рима. Евангелия написаны в эпоху начала римского декаданса.

3) Цикл средневековья: декаданс европейского Возрождения, а особенно – маньеризм и позднее барокко.

4) Цикл Нового времени: конец 19 века.

5) Цикл Новейшего времени: мы и наше время (2008-2020).

Кроме аморализма и эсхатологизма, все эти декадансы имеют абсолютно одинаковый набор формальных признаков выражения в искусстве (и СМК). Это декоративизм, сложность которого превосходит все мыслимые пределы.

Но главное – это настроение: упадок и безволие, невозможность изменить судьбу и отменить неизбежное. Своим упадническим настроением декаданс пропитывает все аспекты жизни общества. Но по традиции

искусствоведения его относят преимущественно к искусству конца 19 века. Почему? Еще не было еще такой мощи и всеохватности СМК, и потому – блистало элитарное искусство. Если брать верхний уровень искусства, то именно там декаданс и прославился. По крайней мере, у нас все слышали про Вертинского и знают его в костюме Пьеро.

Это не то чтобы совсем уж элита, но ближе к ней. Между тем у декаданса был и вполне бытовой, обыденный уровень. Он и поныне сохранился в мире массовых журналов и быта. Но об этом отдельно.

Поздняя осень декаданса

На что похож декаданс? На *позднюю осень*. Она по-своему прекрасна, но это – краски умирающего мира. И разрушение происходит у вас на глазах.

В общественной мифологии страх смерти всегда замещался идеей воскресения. Христианство не исключение, но и до него это много раз было.

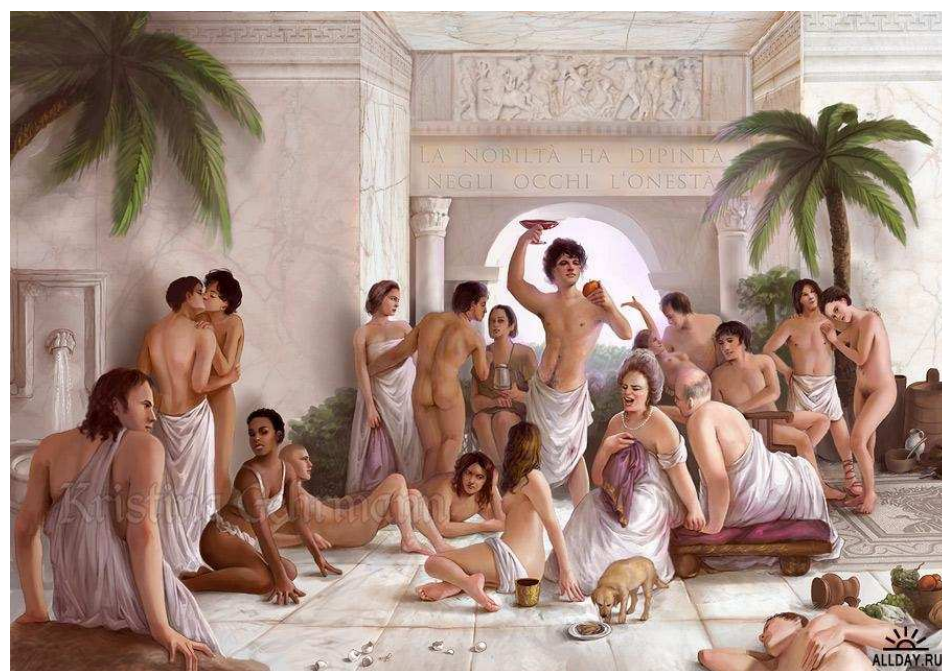
В декадансе, где главенствует только Я, и в Я главенствует телесность, этого нет. Поэтому остается только страх перед физической смертью.

Перебрав множество картинок с самыми разными состояниями осени, я вперед поставил Левитана, знакомого с детских буквarei. Мало кто видит, но именно у него в этой работе есть та самая *щемящая нота декаданса*, которая и создала шедевр из вполне обычного этюда, а он их писал тысячами.

Термин «декаданс»

Он возник в 18 веке в связи с выходом в свет работы Монтескье "Рассуждения о причинах величия и падения римлян" (1734). Проиллюстрируем, что же он имел в виду. Это – разлагающийся Рим, как его себе представляли в 18-19 веках:

Современный прикольщик назвал бы эти полотна «Завершение корпоративной вечеринки в Куршавеле», или в этом роде. На самом деле разложение Рима было куда более тошнотворным и натуралистичным, почитайте «Сатирикон». Но остатки европейской морали не позволяли так плохо думать о славных предках, поэтому оргия на полотне все еще в стиле

пристойного академизма – это только первый, содержательный шаг к декадансу. Правда, эстетика этого академизма для времен настоящего декаданса полностью устарела, и скоро будет найдена абсолютно новая.

Популярность этого термина неимоверно возросла в последнем до нас декадансе: в конце 19 века. В основном о нем и говорят, как о декадансе, его имеют в виду все пишущие об этом. Но это неверно в принципе, поскольку говорить нужно обо всех его исторических аналогах, которые мы перечислили. Основываясь на этом, мы иллюстрируем и обсуждаем очень разные декадансы – и ищем между ними формальное и содержательное сходство. Наше время – не исключение.

Так или иначе, в любом настоящем декадансе перед нами *период заката* некоего общества, а в пределе – ментальной формации. Если говорить о нашем времени, в нем совпали два уровня кризисов, два декаданса. Один – это конец столетнего культурного цикла, а по сути, советской формации. Второй – это локальный поколенческий декаданс, десятилетие разложения и распада. Резонанс таких же двух циклов был только сто лет назад.

Закат политический и нравственный сопровождается стремлением элиты обесценивать любые идеалы, что парадоксально совпадает с интересами новых сил из следующего периода – они тоже к этому стремятся, но по другой причине: поскольку несут новый тип нравственности, новую идеологию и т.д. Так декаденты по иронии исторической судьбы попадают в разряд «революционеров». И некоторым это очень даже нравится, о чем говорят их художественные манифесты столетней давности. Почитайте, манифест итальянского футуризма – он призывает к очистительной войне и дискриминации прошлого вместе с настоящим, применяя "возбуждающий элемент – кулачный удар". Но скоро объединявшая многих «революция формы» разведет бывших декадентов по разные стороны баррикад.

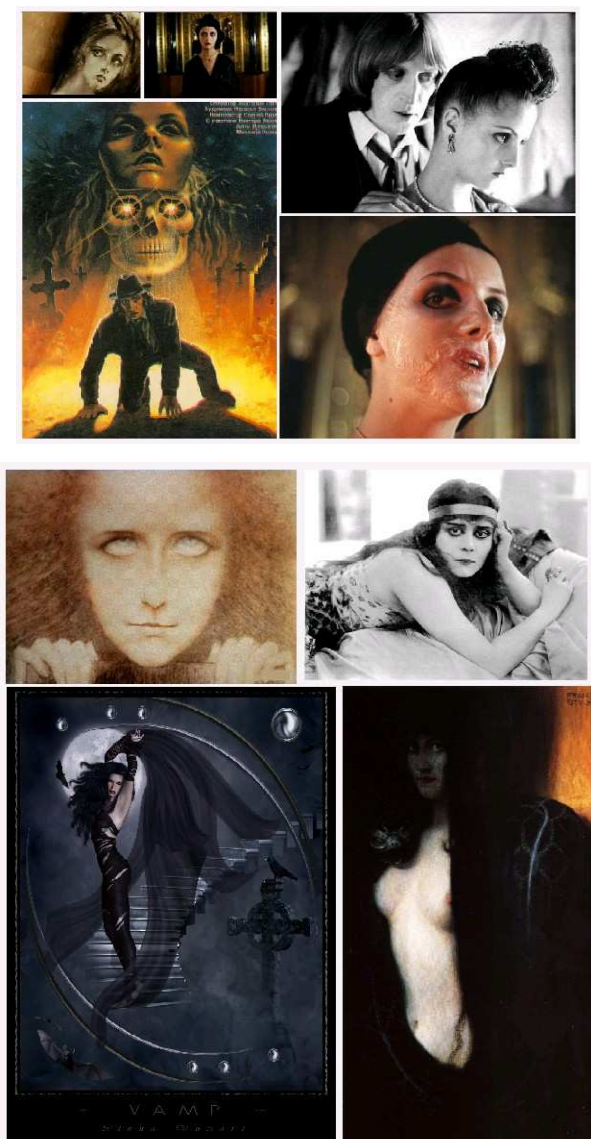
Недавно по ТВ несколько раз показали художественный фильм «Цвета юности» про самого яркого художника из группы футуристов У. Боччони. Интерес к этой теме, да и само обращение к ней – весьма характерно.

Некрофилизм и страх декаданса

В конечном итоге «все разрушающая смерть» – вот истинная этика и эстетика декаданса. Но смерть тела в итоге отвратительна, поэтому декаденты делают ее «по-своему прекрасной», назло и в пику искусству всего предыдущего периода, которое славилло жизнь. Это и есть некрофилия – любить смерть, а точнее – мертвое, как «живое бывшее».

Любимая героиня предыдущего декаданса – женщина-вамп. Правда, те героини, которых можно найти в кино и на фотографиях декаданса конца 19-начала 20 века выглядят сегодня невероятно наивно. Они не прошли бы кастинг для наших фильмов ужасов.

Наша современность ушла недалеко от декаданса: кино и телевизор куда больше рассказывает нам о жизни вампиров и призраков, чем о живых.

Чтобы проиллюстрировать более рафинированное некрофилическое настроение современной арт-элиты, вот еще пара современных иллюстраций.

Декаденты всех времен предчувствуют неизбежность гибели их привычного мира, мира, который они презирают, и потому так очевиден сочащийся из их работ ужас перед грядущими потрясениями, войнами и революциями – они знают, что их мир будет разрушен. И отвечают на это: так повеселимся же перед смертью! Но, согласитесь, какое скучное веселье они нам предлагают: пир мертвецов. Даже пушкинское «есть упение в бою, у бездны мрачной на краю» – оно величественное в духовном отношении. Здесь – нет. Только животный страх, страх тела.

Декаданс – это прежде всего настроение отчаяния и отвращения, бессилия и абсолютной разочарованности во всем, в том числе и в жизни. Финита! Всему!

Но в русском варианте декаданс поднимался и до духовных высот, до размышлений философских и идей общечеловеческих. Недаром его подводным течением была философия русского космизма (Федоров, Циолковский и многие другие), которая прорвалась наружу сразу же после всех войн и революционных катаклизмов. Взамен нигилизму декаданса, и это не намек, а точное указание на то, что придет на смену нынешней стагнации.

Вот поразительный пример, иллюстрирующий наш тезис:

Когда я впервые увидел на выставке эту работу Добужинского в 70-х, меня не покидало ощущение неправильности, чего-то на грани с пророчеством. И только недавно я понял: да ведь он нарисовал то, чего в его времени еще не было. Это внизу рушится что-то из «Последнего дня Помпеи», а вам ничего не напоминают эти падающие гигантские небоскребы?

Мир вокруг тихо рушится, но люди продолжают в нем жить, бессильные хоть что-то изменить в этом сценарии. Чеховское настроение.

Здесь возникает эта жуткая «эстетика руин», позднеантичная, маньеристическая, декадентская, включая современное «любование разрушением» и игры с дистопиями и антиутопиями.

«Поэзия руин» восстает как феникс из пепла во всех «романтизмах», она настолько растворилась в европейском искусстве, что стала одной из постоянных и очень популярных тем искусства определенных периодов.

Но сравните эту тему с современным наступающим декадансом, и вы тут же почувствуете разницу. Модернизм XX века с его фото- и гиперреализмом, к тому же вооруженный компьютером, воистину страшен.

ДЕКАДАНС И СТАГНАЦИЯ (статья вторая)

Аномия и анемия

Рамки и нормы, которые ранее удерживали общество, с позиций деятелей декаданса должны быть разрушены, а любые идеалы – обесценены. Но декаденты в искусстве – вовсе не революционеры, они ничего не призывают разрушать, они только *отображают* происходящий процесс рушащегося мира. Они медиумы, выразители, они – зеркало, но инертное большинство именно их считает крушителями и приписывает им разрушение идеалов и устоев. Хотя, с другой стороны, оно вроде и так тоже, ибо сказано в священных книгах: "Необходимо, чтобы зло приходило в этот мир; *но горе тому, через кого зло приходит*".

Это предупреждение деятелям нашего наступающего декаданса: будете славу иметь, и деньги, но потом вы вспомните, как страшно умирал О. Бёрдсли, как просил перед смертью уничтожить свои чудовищные рисунки. Но поздно, зло уже пришло через него в мир. Первое, что напечатали в перестройку все новоявленные желтые издатели – это его порно-графику.

Неверие ни во что порождает *отвращение* как к разуму, так и к чувствам. И что остается от человека? Остаются только животные страсти и страстишки, гедонизм и еще раз гедонизм. Все тот же античный гедонизм, (от греческого *hedone* – наслаждение).

Прошлые ценности общества противны декадентам, поэтому они культивируют порочность и эстетизируют все, что общество официально запрещает. Так появляются «цветы зла» и всё более изощрённые алтари для «лепестков роз, покрытых миазмами порока». Отсюда в их среде приняты все виды наркотиков, начиная с алкоголя, и – по нарастающей. «И пьяницы с глазами кроликов «ин вина веритас» кричат». Многие декаденты закончили своё существование в больницах для душевнобольных, а часть – в тюрьмах.

Даже Шерлок Холмс – законченный наркоман. И куда только смотрел его друг доктор Ватсон! А все мода, предвоенная мода декаданса – вот что точно отразил в его пристрастии А. Конан Дойль.

Отторжение норм и аморализм

Характерной содержательной чертой декадентства является аморализм (от греческого *a* – отрицательная частица и латинского *moralis* – нравственный). Это отрицание моральных устоев и неприятие любых нравственных норм и принципов. «Скажем «нет!» любым моралям».

По теории декаданса личность стремится к полной свободе, а нормы общества – это цепи. Но получает личность, как показала история, отнюдь не искомую свободу, а хаос и анархию в худшем смысле, и в итоге – чудовищную деспотию, тиранию сильной руки, тоталитаризм и т.д. Этим кончаются все декадансы в истории, не буду повторяться, какие именно.

Вообще же в обществе эпохи стагнации господствующая мораль всегда имеет «два дна» и потому нередко сопровождается практическим аморализмом населения. Оппозиция к прогнившей морали закономерно переходит в неприятие всякой нравственности вообще. Люди, проповедующие аморализм, нередко подменяют надоевшие им моральные критерии утилитарно-прагматическими соображениями, иногда конъюнктурно-политическими лозунгами, и куда реже – эстетическими или же идейными индивидуалистическими соображениями.

Если припомнить, все это имело место быть к концу брежневского застоя. Даже по фильмам того времени видно, как вперед вырываются торгаши и хапуги (вспомните тогдашние кинороли Калягина и Догилевой), а бывшие рядовые строители социализма имеют на их фоне вид придурков, то бишь «лохов». Их иногда даже романтизируют, по чеховски («Полеты во сне и наяву»). Но кризис веры и разрушение морали налицо. А второе дно в искусстве породило мощный андеграунд в музыке и живописи. Он потом прорвался на большую сцену, но ненадолго – попса все забила.

А уж лозунги декаданса конца 19 века – духовной свободы личности, абсолютизации творчества, рафинированных не животных наслаждений и т.п. – это такие элитарные лозунги, до них нашему веку еще дорасти надо.

Посмотрим на это явление аморализма в истории.

В античном обществе аморализм выражался в признании относительности, условности и прагматичности принципов и норм морали, в отрицании ценностей культуры общества (циники, часть софистов).

В эпоху Возрождения принцип аморализма декларируют такие идеологи, как Макиавелли, иезуиты Лойола, Лигуори, Бузенбаум. Мораль должна быть подчинена политическим задачам, как это знакомо! Аморальный сам по себе лозунг "цель оправдывает средства" на практике оправдывал любые методы, и Возрождение ими немало прославилось.

Ближе к концу 19 века получают развитие идеи *эстетического имморализма* у Ф. Ницше. Это апология спонтанной жизненной силы как высшей ценности, не подлежащей суду «рабской морали толпы». Толпа нивелирует личность и готова затоптать выдающуюся индивидуальность.

Здорово как звучит! И как творцу из богемы не поддаться этому потоку красно бающих.

Сарказм истории состоял в том, что аморализм Ницше взял на вооружение фашизм, но так, как Ницше и не снилось в самых кошмарных снах. Аморализм нацизма освобождал от «химеры совести» только «своих», и среди этих миллионов, судя по фотографиям в одинаковых касках и без лиц, явно не наблюдалось гениев. Скорее наоборот, их фашизм изгнал или сгноил в концлагерях. А наблюдались в рядах «избранных» все больше лавочники, те самые лавочники, которых Ницше так люто ненавидел. И вот на них-то как каску Гитлер и надел аморализм немецкого философа.

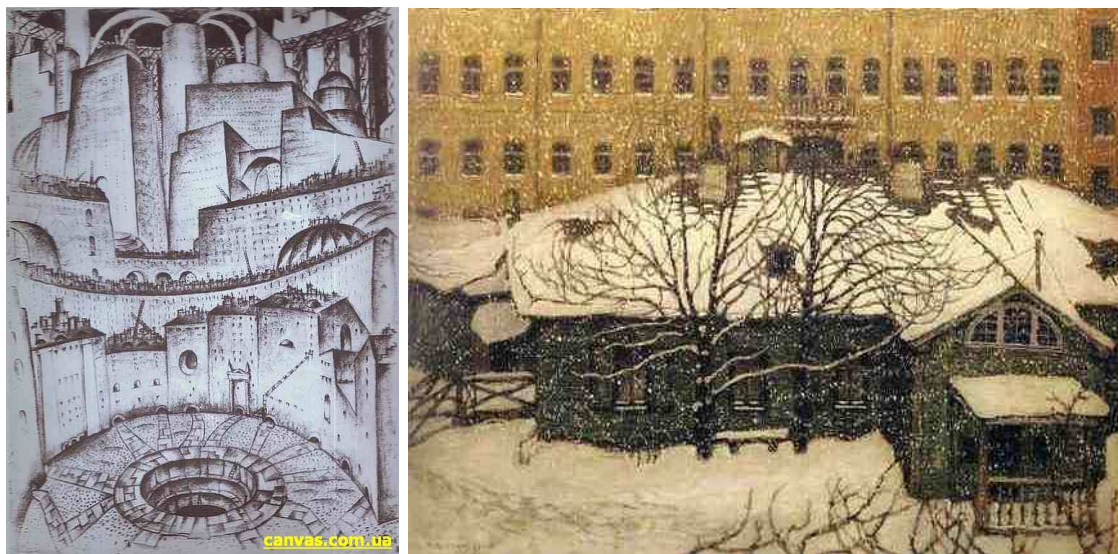
Попытка "упразднить" принципы нравственности, объявить предрассудками совесть и уважение к личности неизменно приводит «общество избранных» к краху. Но все это будет идеологией новой империи после декаданса 19 века, который, кстати, художник-самучка Шикльгруббер люто ненавидел. И потому объявил декадентов дегенератами. И как это он не понял, что Ницше – не просто один из них, он идеолог декаданса.

Но мораль современного технотронного фашизма ничем не обличается. И «золотой миллиард» на горах трупов – масштаб планетарного фашизма.

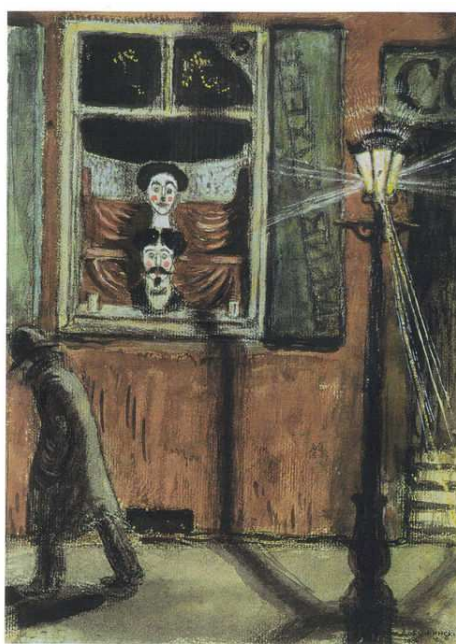
Демифологизация реальности

Если убрать из жизни мифы и оставить одну только правду будничных дней, мы увидим бессмысленность и пустоту существования, голый материализм и меркантилизм, откровенную власть силы и звериные повадки. Собственно то, что показывает нам телящик, за вычетом розового гламура.

Дкаданс – явление городское. Здесь большинство живет, окруженное и задавленное городом, как в этой графике Добужинского.

Отсюда совершенно безысходная блоковская тоска реальности: «ночь, улица, фонарь, аптека». Или парикмахерская, как у Добужинского.

Где-то рядом живет Ф. Кафка, который чувствует и описывает то же самое: ужас крохотного человечка в гигантской машине общества и города.

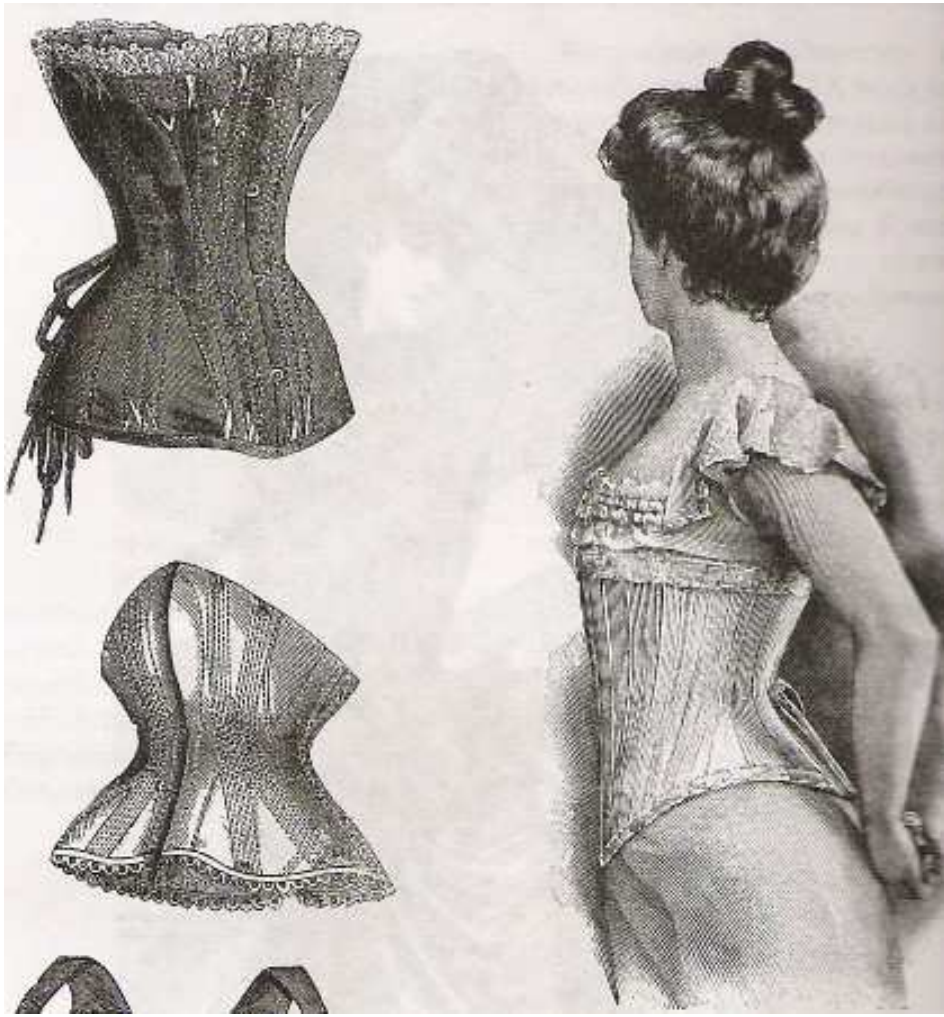
Элитарность декаданса

Ну и пусть так живет большинство – но не мы, богема или элита! Вот лозунг декаданса. Но действующих сил здесь как бы две: нищая богема – духовная элита, и верхняя богатая элита, близкая к вершинам власти.

Обе элиты всегда позволяли себе переступать в запретный мир зазеркалья, полный порочных желаний и убийственных мыслей. И чем более внешне строги моральные устои и этикет общества, тем ярче обозначены декадентские настроения у этих элит.

Если вы ради интереса посмотрите на женскую моду конца 19 в., то женщина в ней «плотно упакована» снизу и по самое горлышко. Кроме того, что корсеты и каркасы сами по себе весили немало, они еще и с медицинской точки зрения не способствовали здоровью дам декаданса. Чтобы все это надеть и снять, нужна была специальная горничная, и занимала эта процедура вместе с прической многие часы – вот уж веселое времяпровождение! Ближе к эпохе модерна одеяния дам мало отличались по сложности от одеяния средневековых рыцарей в латах. По этому поводу их современники немало посмеялись.

И как дамы при этом флиртовали, при таком каркасе из китового уса со шнуровкой сзади и т.д. и т.п.!

Про это, кстати, – неприятельные водевили того времени, один из которых даже как-то поставил Э. Рязанов. Зря, кстати, поставил, это не прибавило ему славы. Но, как иллюстрация того периода, сойдет.

Эротизм искусства против запретов общества

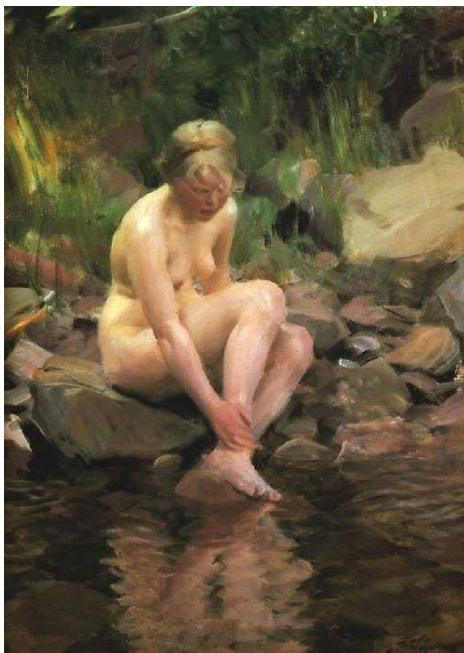
На фоне столь строгих нравов и этикета в живописи и скульптуре процветает либо подпольная порнография, либо откровенное ню в стиле фолк, как у Цорна, либо всякие намекающее «томления», как у Сомова и других – аппетитные девушки, пребывающие в явных эротических снах, если судить по румянцу на щеках. Кроме Сомова, у которого это легко и артистично, на этом специализировался целый клан ретро «классицистов». Они-то уж развлекались по полной, перенося своих эротических девушек в античные времена и воспроизводя все происходящее с почти фотографическим натурализмом.

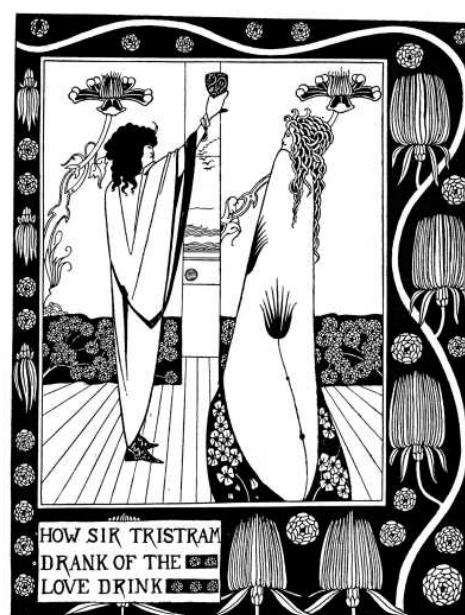
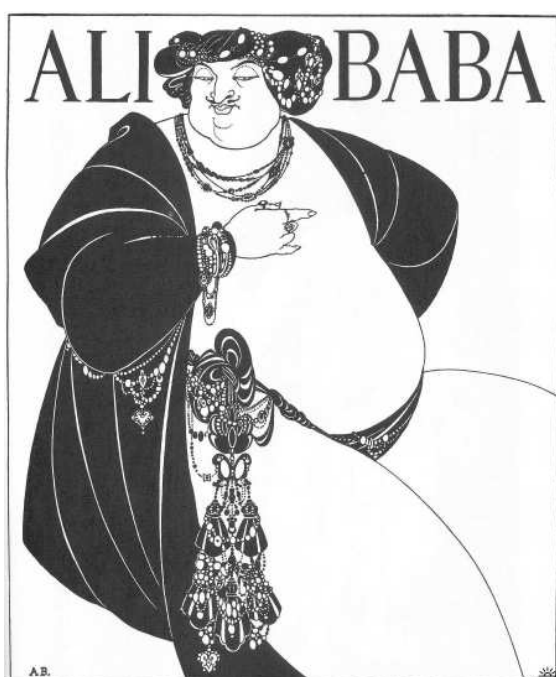
Иллюстрировать расцвет эротизма в том пуританском времени можно бесконечно: это и Бердслей (местами откровенно порнографический), и символист Климдт, и наш Кустодиев с его «купеческими Венерами» и множество фигур поменьше, которых В.В. Маяковский едко обозвал «свободный художник, рисующий задочки».

Стоит только добавить к этому набору мистику с примесью вампиризма, все это тянет уже и на современное искусство. Вот, для сравнения тот же Цорн и современная фоторабота.

Формализм как принцип декаданса

Декаданс прославился поэтикой «искусства для искусства», эстетизмом, в котором ценность содержания отрицается, а преобладает форма, эффект, стильность. И в декадансе масса потрясающих стилистов и стилизаторов. На первом месте среди них стоит О. Бердслей, поскольку он был одним из лидеров декаданса и обладал потрясающим даром свободной художественной фантазии.

How Sir Tristram Drank of the Love Drink.

Приватность

В центре декадентского мира **Я, любимый**. Точнее, это *мир, центрированный вокруг Я*. Но про это отдельно.

Вокруг Я можно еще очертить круг его бытового мира. «Обезьянье пространство», до чего лапа дотянется, как шутил Раушенбах. Микропространство декаданса особенно хорошо видно в его тяге к ювелирности во всем, и ювелирке, в частности. Вспомните хотя бы взлет Фаберже и сопутствовавшую ему целую микрокультуру бытовых вещей.

Поэтому декаданс опирается на особое, *приватное* отношение к миру. Помните у Чехова: “Люди обедают, только обедают, а в это время рушатся их жизни и слагается их счастье”. Чаепития на дачной веранде, на зеленой веранде, под деревьями и с непременно букетами, столы после чаепитий – излюбленные мотивы живописи декаданса.

Это удивительно тонко выражается прежде всего в натюрмортах без людей, пейзажах без людей, в том числе архитектурных и т.д. Обыкновенный бытовой мотив при этом обыгрывается как экзотический или мистический. У Головина, у Мане, у Кузнецова, у Сурикова и многих других этот приватный мир цветов и утонченных вещей блестит (лак, лоск, блеск), цветет и пахнет, радуя и украшая собой личное пространство. Но как он обманчив, если присмотреться. Эти рафинированные вещи и даже цветы полны внутренней тревоги. Тревоги их создателей.

Я с самого первого мазка полюбил Коровина и у меня долго висел на стене его первый натюрморт из следующей подборки. Как дизайнер по образованию, я любовался его мастерским цветом и композицией. И вот однажды жена попросила – сними его. И почему же? Он такой тревожный!

И вдруг я тоже это увидел. И в парижских его натюрмортах с двойным светом – тоже. Красота, но как бы прощание с гармонией и предчувствие ее ухода из жизни навсегда. И в последующем Коровин остается гениальным «цветовиком», но живопись его мертвоет. Уходит эта страшная и острая нота.

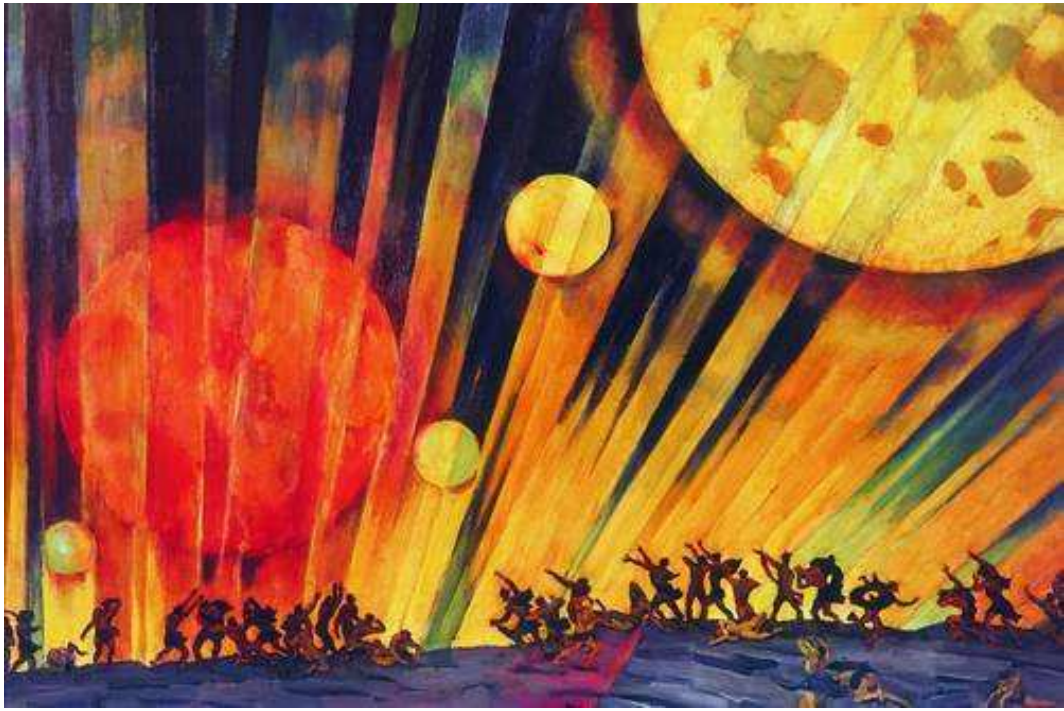

Вот в этой ноте – вся содержательная суть декаданса: у одних он просто форма, у других – за ней – и непонятно откуда – ужас будущего.

И уж если говорить об оттенках этого частного пространства, то неожиданные удачи молодого И. Грабаря как бы совмещают и эту вибрацию формы послеобеденных натюрмортов, и эту глубоко спрятанную тревогу, которую создают экзотические тогда желтые «японские» цветы.

А на выходе из декаданса для меня стоит «Новая планета» Юона. Посмотрите, как резко сменился масштаб с приватности на космизм, и всего-то через несколько лет!

Каким мизерным стал человек на фоне космических катаклизмов, каким неразличимым в ряду таких же беспомощных голых людишек на мертвой планете. Так вот о чем тоска и предчувствие декаданса – ничем не удержать тот приватный и уютный детский мир воспоминаний с кругом зеленой лампы, где руки мамы пахнут цветами а цветное стекло в витражах превращает мир за окном в сказку.

Скачкообразная смена ментального масштаба, как она точно была описана в литературе: «Хождение по мукам», «Дни Турбиных» и т.д

Но пока мы с вами только входим в новый декаданс и предугадываем его по признакам из прошлого. И говорим: это отношение к миру не только *элитарное*, оно еще и *приватное*, оно тонкое и эксклюзивное, доступное не всем, и не каждому. А, значит, – еще и очень дорогое, как изделия Фаберже.

И в его основе – отдельный человек. Наконец-то в истории это человек сам по себе, отдельный ото всех. История ставит эксперимент в чистом виде: и чего же он продемонстрирует, этот сам по себе? Какие чудеса творческого гения откроет он в себе?

Но увы, это же человек без социальных целей и без моральных тормозов. Открывает он зияющую пустоту, дверь в Ничто.

И демонстрирует он, особенно вблизи... Да ну его.

ДЕКАДАНС КАК ОН ЕСТЬ (статья третья)

Субъективизм и индивидуализм

«Что толку овцам в том, что никто не ограничивает их свободу слова, до последнего своего дня они будут только блеять»

Макс Штирнер

Субъективизм, по Декарту, есть взгляд на сознание как на первично данное. Отсюда – все стальное является формой, содержанием или результатом творчества моего сознания. Не знаю, насколько повлияло на евроменталитет это учение об исключительной субъективности, но сама по себе такая постановка вопроса есть отрицание абсолютов: Истины, Добра и Красоты.

Субъективизм во времена декаданса приходит к солипсизму, в этике — к эгоизму и аморализму с минусом: «человек человеку волк». В Новом времени это направление – философию чистого эгоизма – развивал Макс Штирнер, анархист-младогегельянец. Он был заново открыт в эпоху декаданса 19 века ницшеанцем Генри Макаем, а его наследники в 20 веке – Ортега-и-Гассет, Франц Кафка, Рудольф Штайнер, Вильгельм Райх, Жан Поль.

Индивидуализм подчеркивает свободу индивида от общества а потому – приоритет личных целей и интересов. Групповые и общественные интересы просто игнорируются. Например, игнорируется служба в армии.

Приоритет личных целей выражается через повышенную самостоятельность действий личности. И хотя человек неизбежно является членом социальных групп и организаций, индивидуалист более чем автономен от них и способен успешно действовать, не обращаясь к их помощи. Отсюда в декадансе такой культ героя-одиночки, например, у А. Грина. И называют его «романтическим писателем» по недоразумению.

Не помню кто, по-моему В. Цыбин, как-то заметил, что у Грина фантастика не только очень мистическая, но еще и очень благоустроенная.

Все под руками, все тут же находится из ниоткуда, герои не бедствуют со своими золотыми цепями, а напротив, декаденствуют. И хотя Грин начинал по моде того времени с холодных вампирствующих суперменов (кстати – таков и был первый книжно-журнальный Фантомас столетней давности известных французских писателей Пьера Сувестра и Марселя Алена), он дорос до «Алых парусов». И знаете, что интересно, и Фантомаса, и «Алые паруса» экранизировали в новом ключе в конце 50-х – начале 60-х, когда наступил малый декаданс первого цикла XX века. Эти демонически красивые и демонически ужасные герои еще раз будут переинтерпретированы в брежневском застое (Аниськин и фантомас, Бегущая по волнам). Но к Грину, настоящему Грину-декаденту, эти комические и декоративно-пустые интерпретации не имеют никакого отношения.

У него в центре – индивидуалист.

Уход в виртуальные миры

Мы начали об индивидуализме, ну а кто особенно склонен к индивидуализму и способен действовать вполне автономно? Конечно же, художник. Он со своим нехитрым скарбом и на улице свободен. Артистическая богема – основная сила декаданса, жаждущая славы и самоутверждения. Этому пролетариату уж точно нечего терять, а приобрести он может – имя! И уже потом т.д.

Творцы и теоретики декаданса превозносят воображение и фантазию, предпочитая «виртуалку» искусства – реальности. Отсюда «искусство для искусства», а не для общества. Это очевидная нелепость, поскольку само по себе искусство есть не более чем канал коммуникации в обществе. Сосредоточенность на этом лозунге порождает формализм плюс высшую степень артистизма формы, которыми так прославлен декаданс.

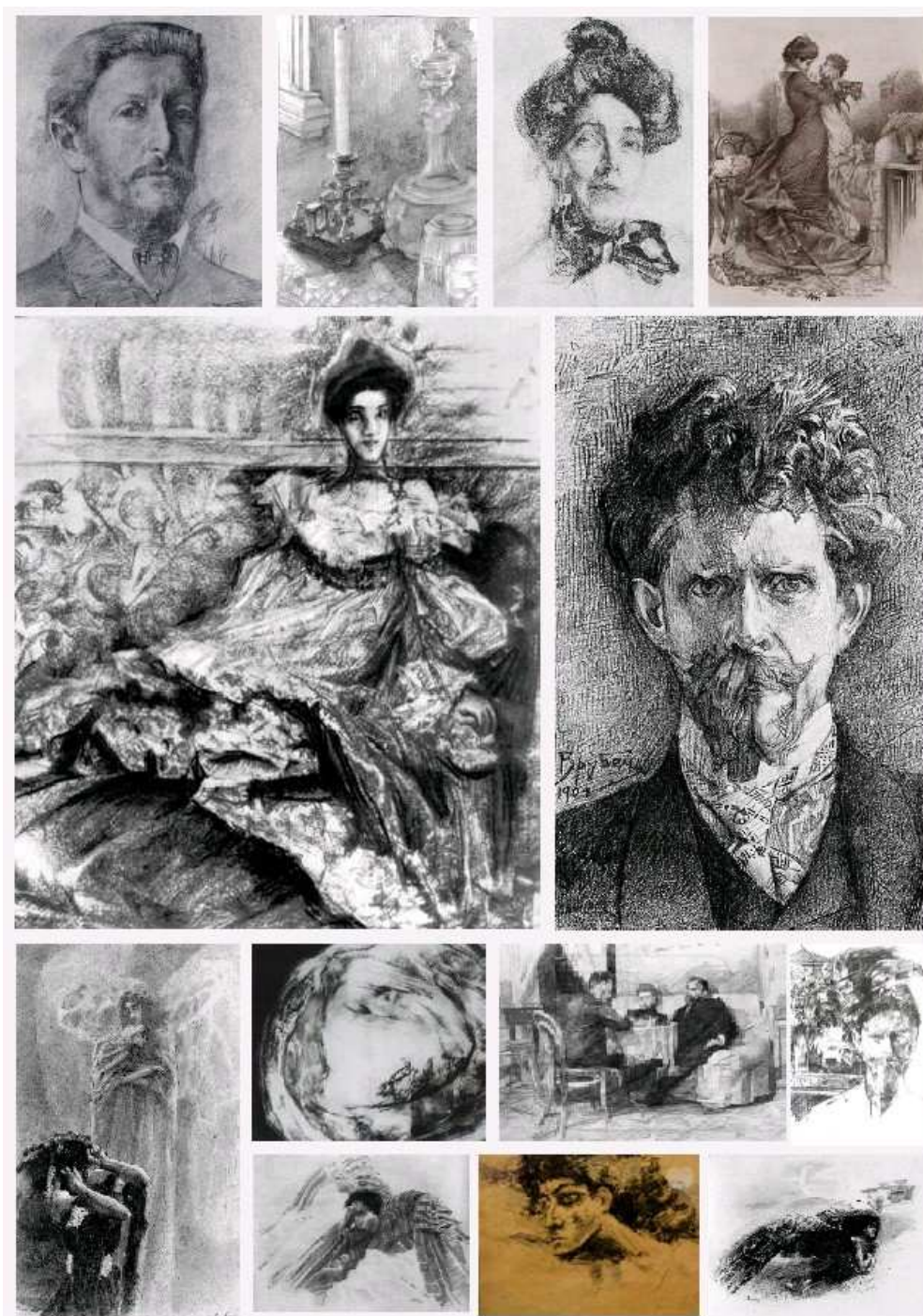
Опровергая рациональную обыденность, художник акцентирует иррациональность и ее необыденность. Экзотический эксклюзив – он ищется им везде. В том числе, и в жизни, но эту жизнь вокруг художники декаданса

превращают в смесь фильма ужаса с примесью холодного эротизма и рафинированного формализма. Вариантов смеси этих всех тенденций столько же, сколько художников.

Для меня из русских художников совмещение всех этих линий декаданса сходится в творчестве Врубеля.

Редкостный индивидуалист (стоит только посмотреть на его автопортреты), богема – до полной нищеты (Мамонтов купил у него картину, но денег не дал, дал пальто – а, хватит с него), иррационализм тем (готика, демон, Пан, миф, сказка), высочайшее мастерство формы (как говорил его учитель Чистяков – «он у меня перепекся»), страсть к острой фиолетово-лиловой экзотике, монументальному декоративизму, некротическая тенденция – и конец в сумасшедшем доме. Где он продолжает рисовать, но разрушение психики все больше сказывается и на его рисунках.

Слава, к которой Врубель так стремился всю жизнь, пришла к нему издевательски: при жизни, но именно тогда, когда его последние годы были самыми мучительными: он лишился рассудка и потерял зрение.

Разложение и упадок, погружая сознание в мир интуитивного восприятия и необыкновенных ощущений, отчетливо видны именно в зеркале искусства. Здесь они предельно обострены, а используемые средства не просто шокируют публику ради шока, они для этой цели и ищутся. Погрузить зрителя в шок или в транс, но увести в виртуалку, из которой нет возврата. Обволакивающий смур современного декаданса подобен болоту, которое незаметно и безвозвратно поглощает человека навсегда.

О ФОРМАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ ДЕКАДАНСОВ В ИСТОРИИ

Морис Дени и русские символисты

Рассмотрим цветотональное и прочее формальное сходство между началом европейского декаданса конца 19 века: Морисом Дени, нашими символистами Сомов, Сапунов, Бакст, Борисов-Мусатов и затем – братьями Лимбургамы, которые жили в декадансе средневековья.

У Дени и русских символистов вечерняя дымчатость и гуашеобразность живописи дополняется тем самым «осенним оттенком» личностного декаданса 19 века.

Сходство также в пятне, которое он оконтуривает, причем не всегда темным, иногда и белым, что вообще дает супер эффект.

Характерный прием – локальный цвет пятна. Получается «как бы витраж», но более откровенная «витражность» есть у Руо, который обводит цветовые пятна черными линиями. Между тем у Дени это пятно иногда почти не дифференцированное. Найден цветотон, и две фигуры без разделения он красит одним оттенком, а этого и не заметно, поскольку у него все – правда цветотона в среде. Чуть-чуть дает свет на этом пятне, отчего этот нюанс и играет так сильно: остальное в тени, и рефлекса нет, а держится и воспринимается живо, как иллюзорная правда. Вот эта интегрирующая своим впечатлением сила пятна – характерный прием декаданса.

Розово-голубые оттенки – вот он, чистый декаданс. Об этом можно говорить особо, поскольку голубой и красный – это цветовая пара в спектре, дополнительность. А тут она разбелена, и цвета столкнулись – в свете.

Розово-голубое вошло из декаданса в кич, в народное потребление. Я как-то видел мазанки в Молдавии, расписанные этими цветами декаданса. А вообще, это излюбленные цвета для фарфора и фаянса.

Дени применяет декоративное заполнение плоскостей однородными элементами, отчего возникает почти средневековый орнамент. Монотонные пятна обыгрываются линейным разнообразием, отчего периодически он сползает в плакат. Или это потом плакат у него набрался таких приемов.

Мелкие точки, как в пуантелизме. Но Дени не заикливается на них, у него есть и крупные, есть и квадраты. Идущие потоком по форме.

Иногда рисунок почти китайский. Тонкие веточки. Кисть.

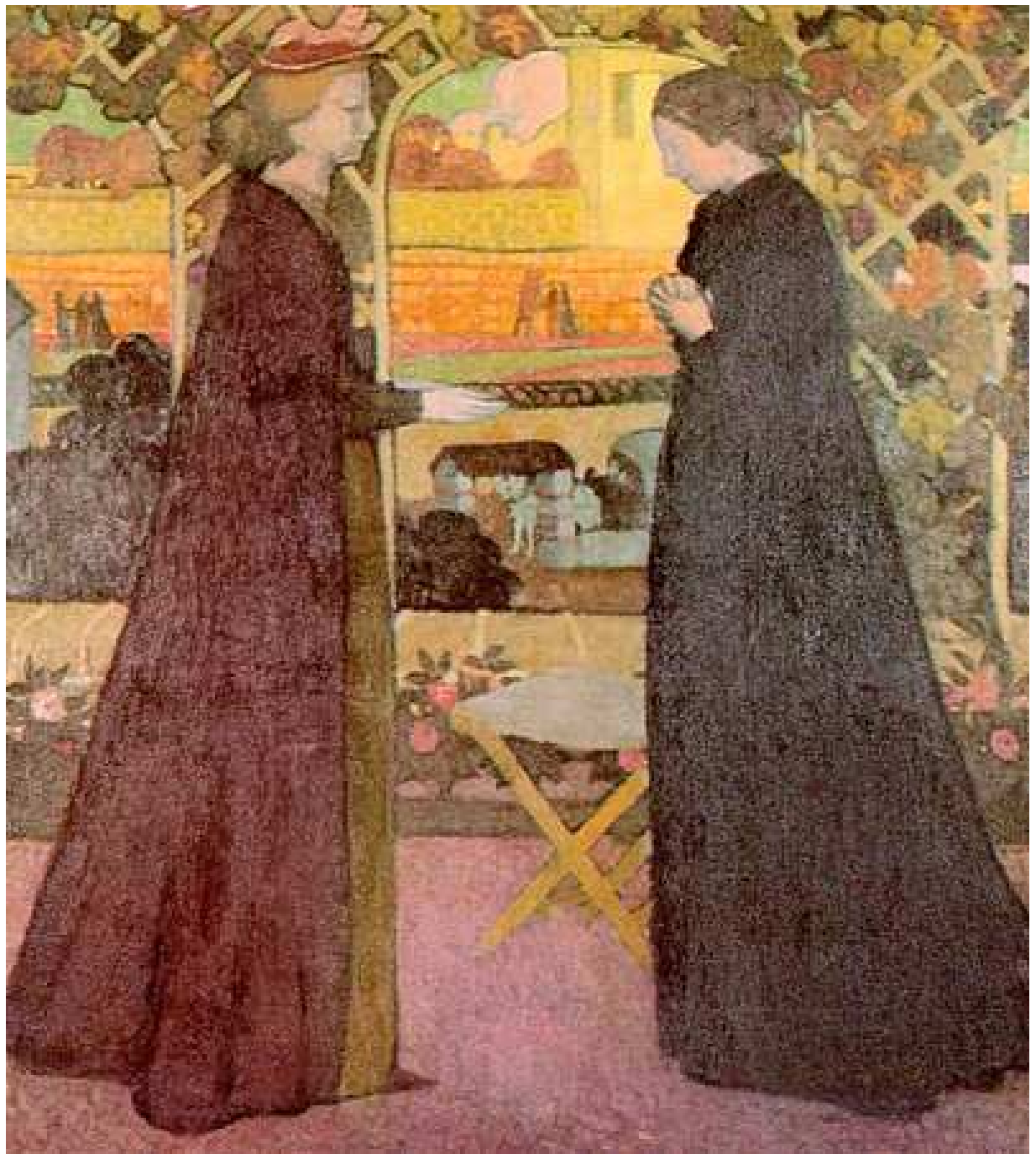
МОРИС ДЕНИ

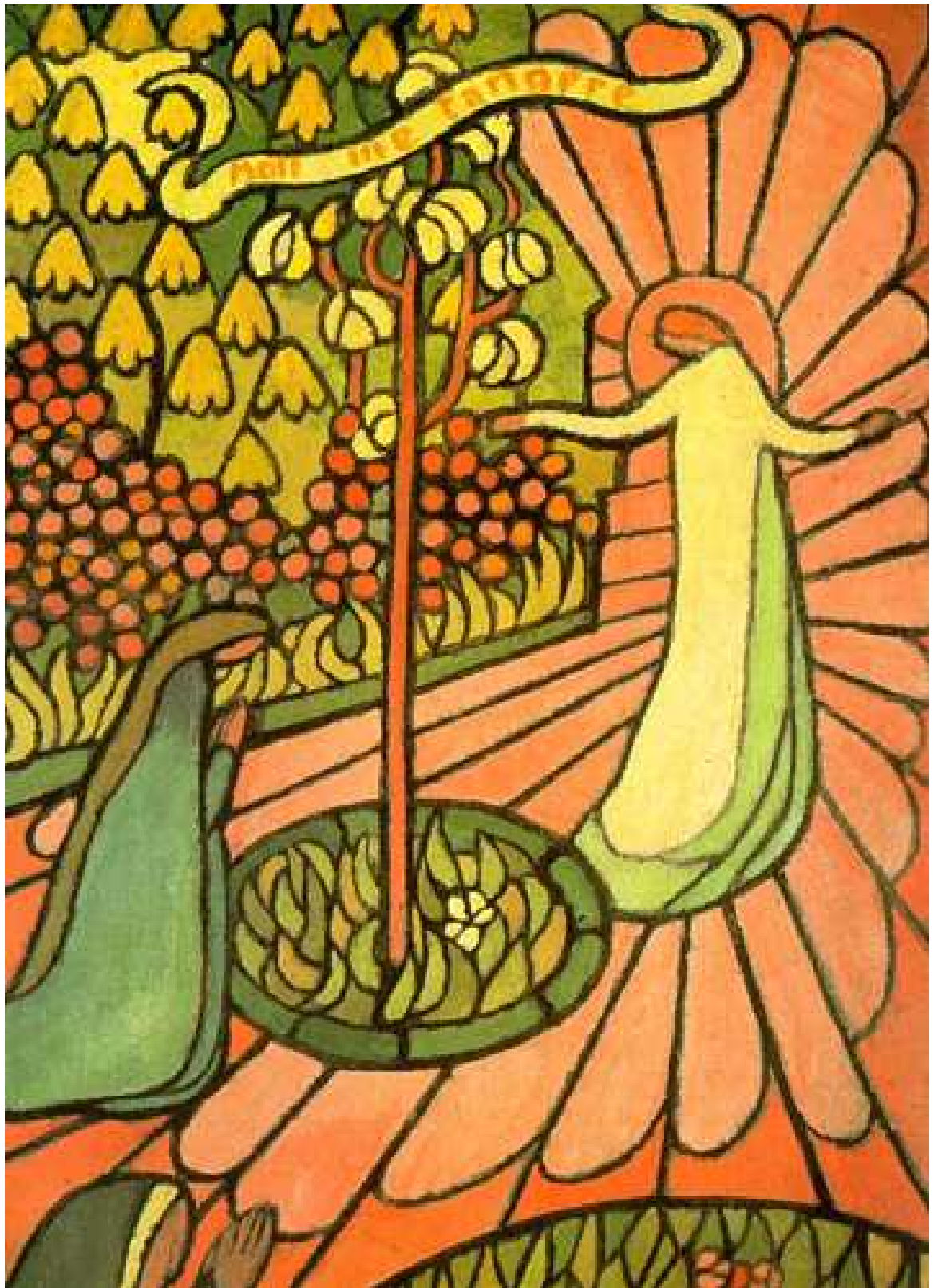

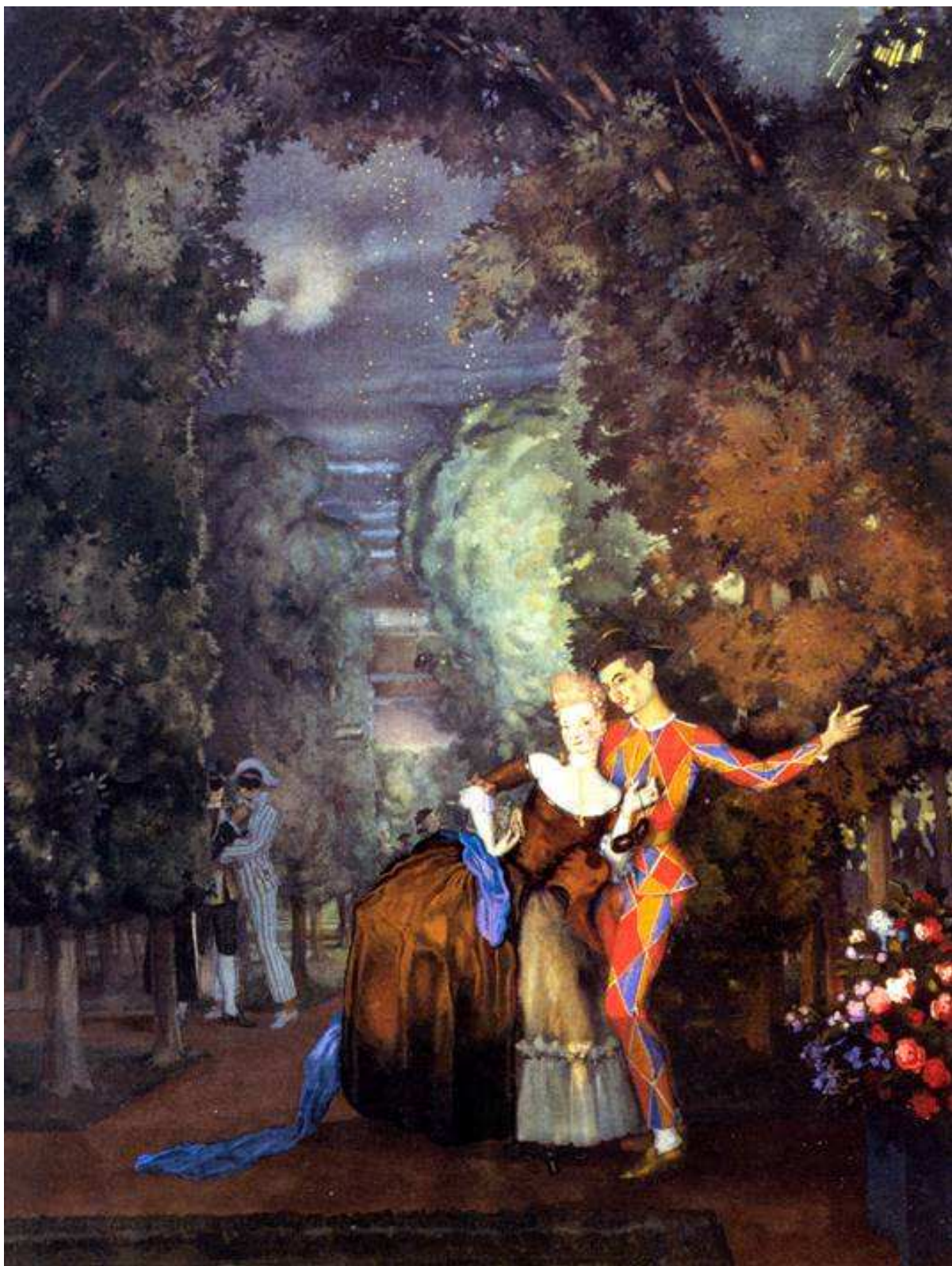

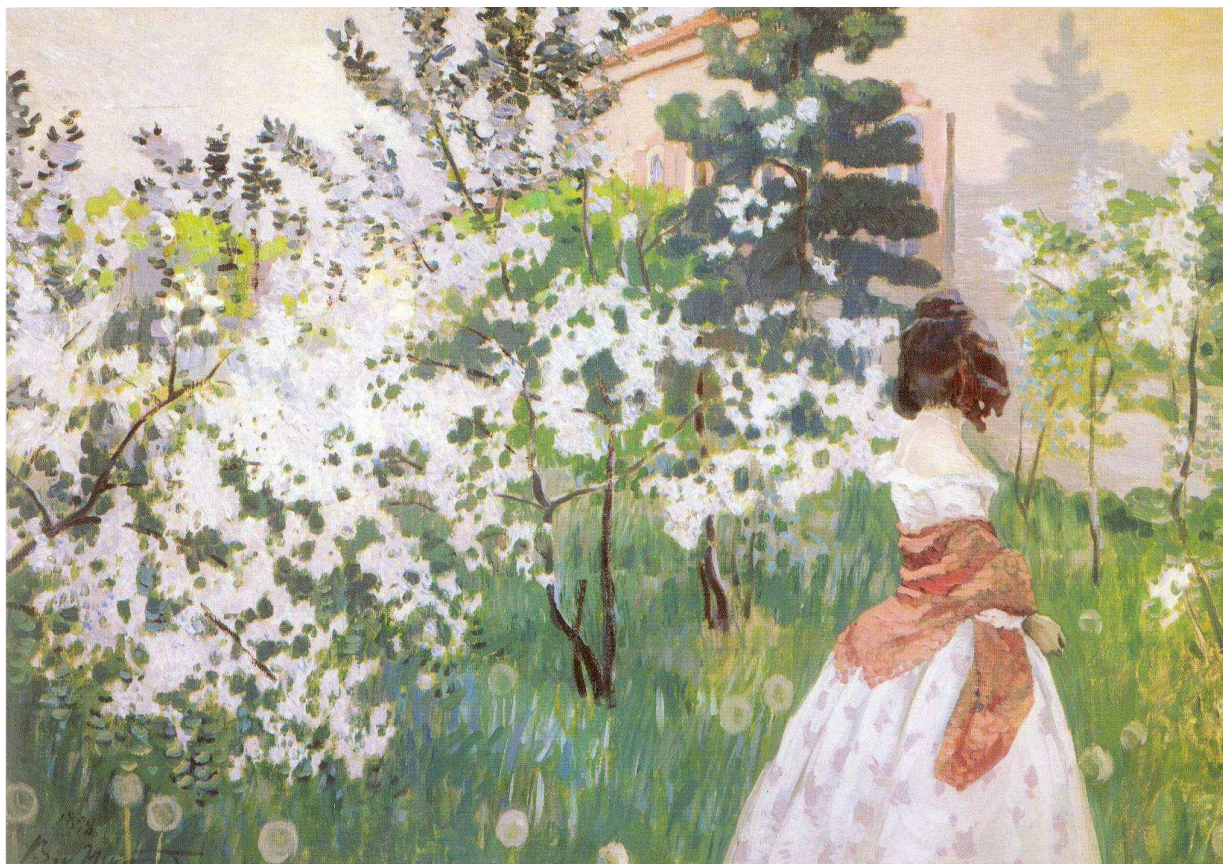
COMOB

САПУНОВ

БОРИСОВ-МУСАТОВ

О ПОЗДНЕМ ГОТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ КАК ДЕКАДАНСЕ

(Статья четвертая)

Готическое искусство в 14-15 веке – это совершенно особый и по декоративности «дымчатый» стиль изображения. Пример тому – братья Лимбурги, но они не одиноки в своем времени. Очень много похожего на них есть на этом переходе из средневековья в Возрождение в самых разных странах Европы.

То, что мы видим, это линия средневековья, «доезжающая» до своего предела. Здесь пока удерживаются канонические священные сюжеты, и они у Лимбургов в других сериях тоже потрясающе красивые. Но, что самое интересное, в «Великолепном часослове герцога Беррийского» у них виден полный отход от священной истории. Земная жизнь здесь не только прекрасна, но и низменна – заодно. Крестьяне без нижней одежды греются у огня или собирают что-то на поле в очень двусмысленных наклонах. Можно посмеяться над крестьянами, но знатные люди или высшие силы – это табу.

Кстати, некоторым это кажется неправильным – вот испортили Лимбурги такую торжественность и символизм своего ручного календаря примитивным хихиканьем. Такие зрители и критики совершенно не понимают духа и способа жизни готики. Там это все существует наряду, и друг другу не противоречит: те же жесточайшие запреты официальной морали – и игривый эротизм присутствуют даже в соборах. На самом деле «плебейский юмор» не есть особенность Лимбургов, это неременный атрибут всего средневековья, о чем писал М.М. Бахтин.

Здесь, в этом мире часослова, ментально удерживается характерная трехуровневая иерархия: высшие силы, цари и святые, плюс их окружение ну и уж все прочие смертные. Это очень четко оформлено по ярусам, как и в соборах, один и тот же канон. Но впервые в конце средневековья нижняя, бытовая часть мира рассмотрена вблизи, через лупу.

Декоративизм поздней готики доводит плоскость до состояния шпалеры или гобелена – все цвета в часослове, как говорят художники,

сделаны «через серое», а характерная дымчатость достигается гуашью. Это ее фактура. Кстати, гуашь как техника в истории и возрождается в аналогичные периоды декаданса. Вспомните живопись рококо с гуашью и пастелью или гуашевую версальскую серию А. Бенуа и аналогичное тяготение к дымчатости у его круга друзей-художников.

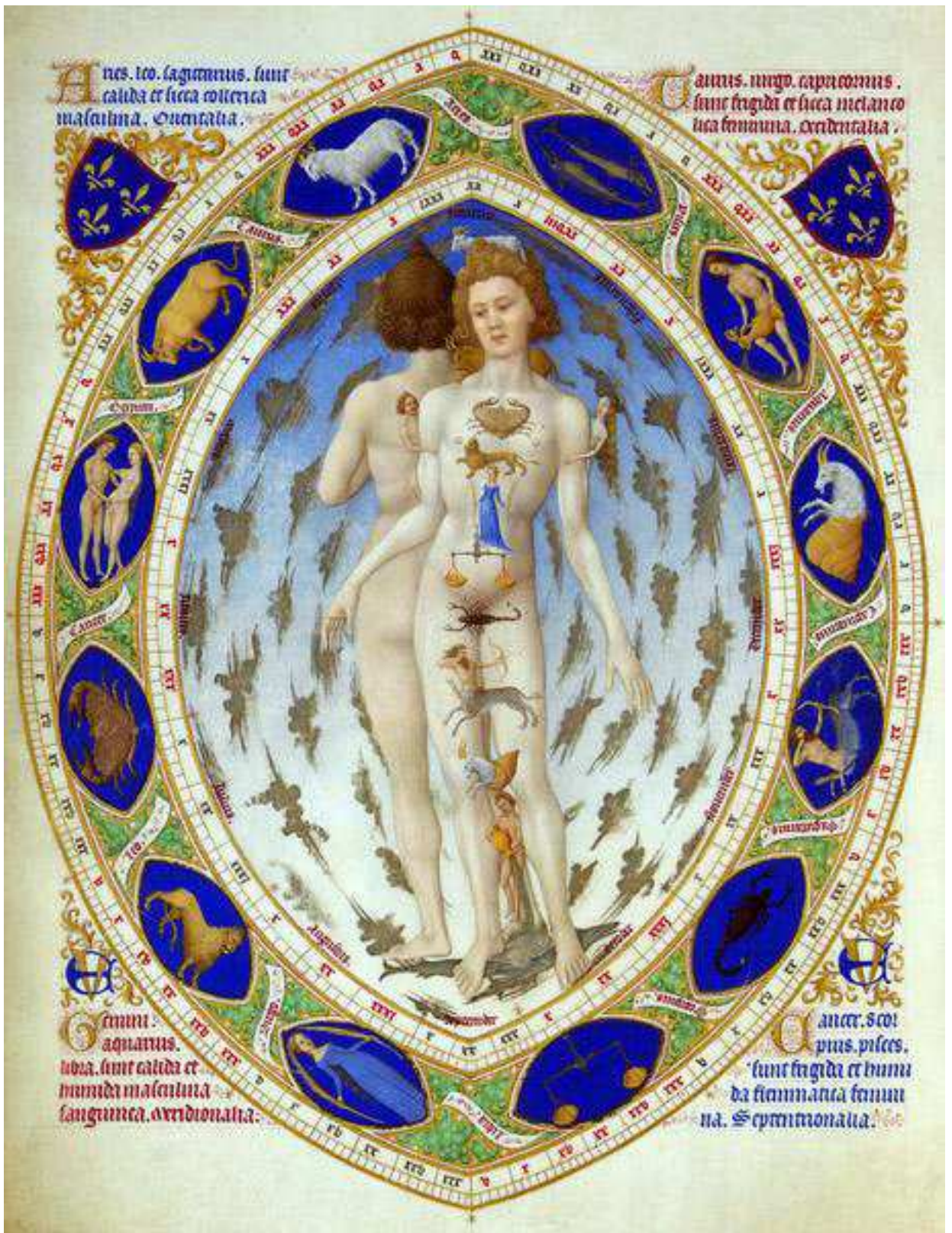
Переход к Возрождению в основном есть смена тематики на светскую по содержанию. Но формально это переход к иным способам изображения: тень, свет, перспектива. И перед нами архаическая фаза начинающегося процесса, где этот новый тип видения осваивается в рамках канонических сюжетов – календарь как жанр.

По большому счету перед нами первые после позднего Рима декаденты. Со всем набором тенденций: и изысканный формализм, и превращение бытового мира в сказочный витраж, и насмешка, и эротизм, и все то же лилово-золотое свечение, которое мы потом увидим у Врубеля. И это астрологическое обрамление – оно отнюдь не божественное, хотя посмотрите, какое мистическое.

Какое разнообразие фактур! Какая точность наблюдения за цветом в природе. И как это вообще можно было написать гуашью?!

БРАТЯ ЛИМБУРГИ, ЧАСОСЛОВ

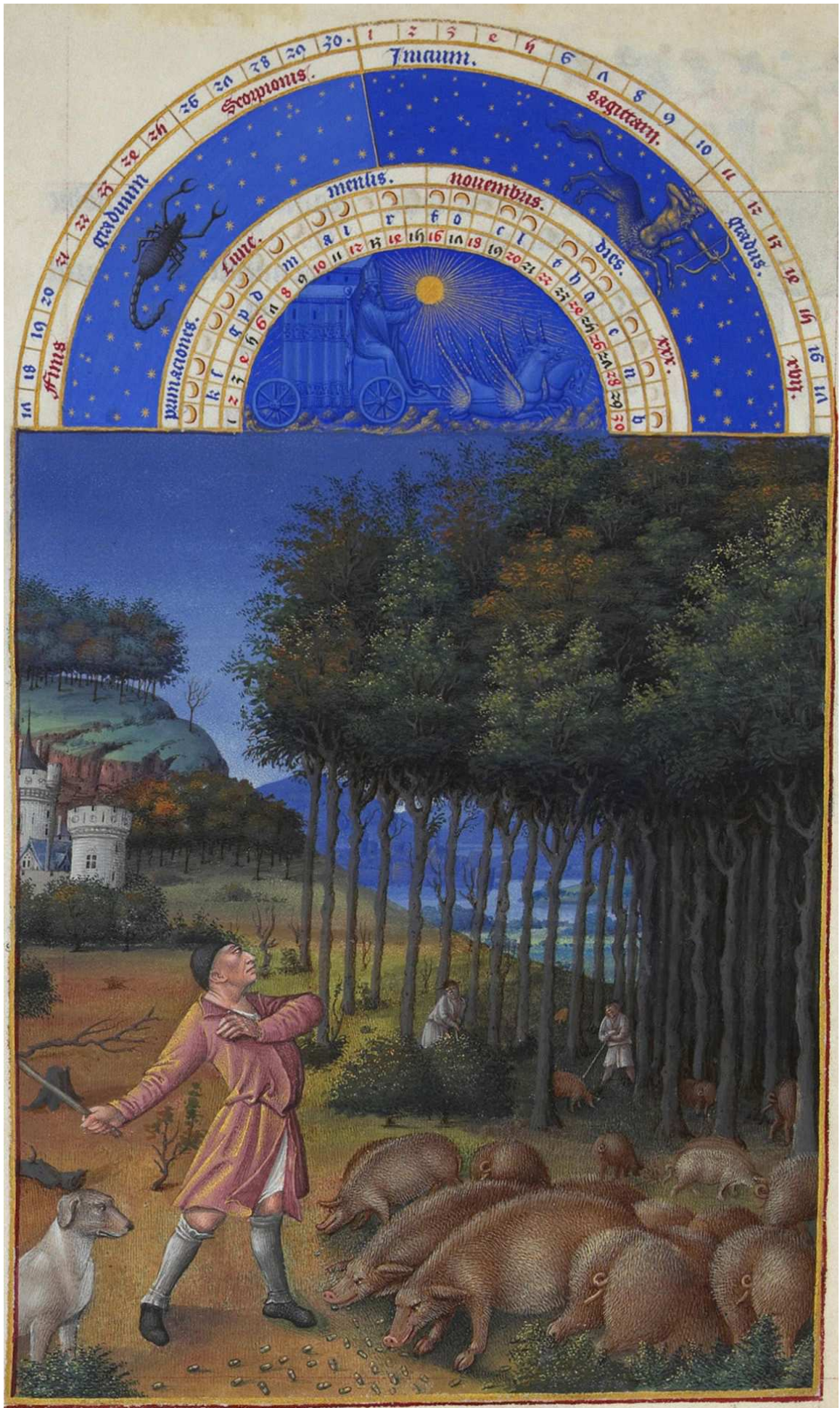

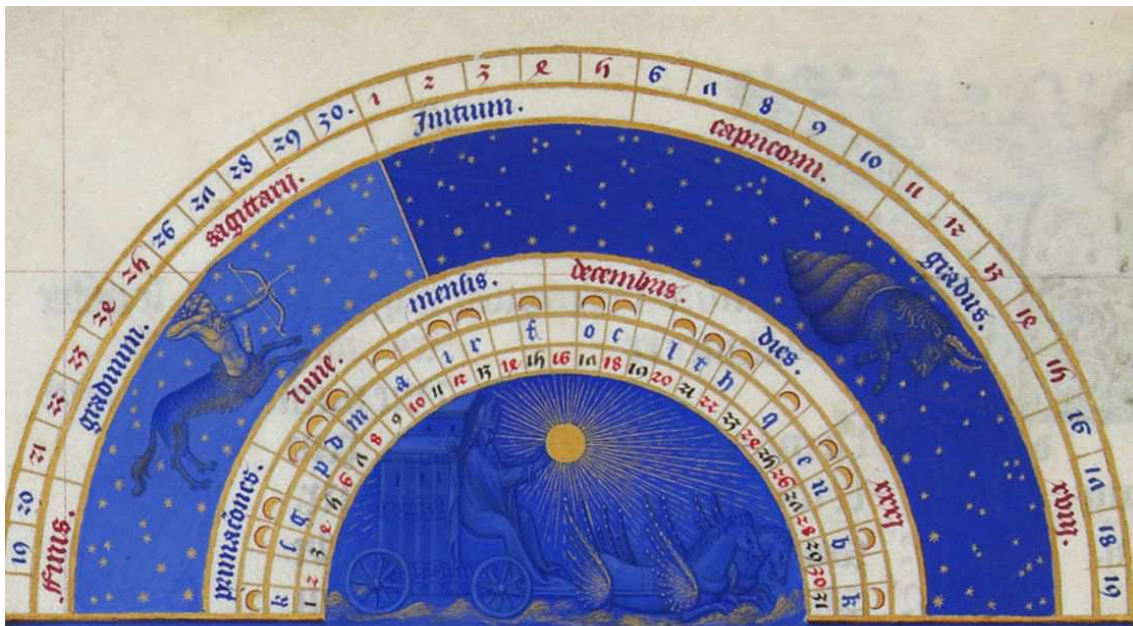

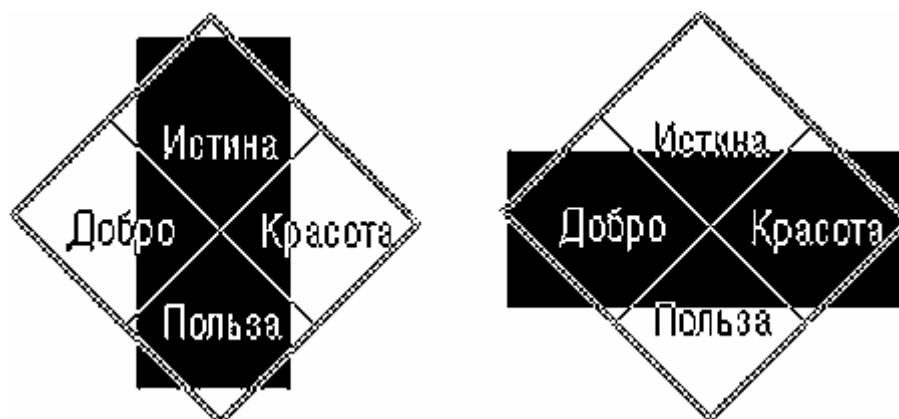
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достаточно неожиданно для меня самого мне довелось недавно прочесть (точнее рассказать) доклад на подобную тему (декаданс и абсурд). И в ходе импровизации я набрел на такое вот обобщение.

Если вспомнить неоднократно приводимую мною схему состава человека

то можно выделить в ней две пары: горизонтальную и вертикальную.

В данном случае важно, что к моменту преобладания декаданса в ментальном цикле происходит одновременное смещение доминант в этих парах.

Первое смещение: от Истины к Пользе, *от разума к доминанте тела* (разум глохнет, тело пирует). Это и порождает абсурд и гедонизм.

Абсурд (от лат. *absurdus*, «нестройный, нелепый»; от лат. *ad absurdum*, «исходящий от глухого») – нечто нелогичное, нелепое, глупое, из ряда вон выходящее, противоречащее здравому смыслу; в повседневном обиходе *бессмыслица, небылица, бред, чушь*.

Но абсурд не есть просто бессмысленность: бессмысленное не истинно и не ложно, его не с чем сопоставить в действительности, чтобы решить, соответствует оно ей или нет. *Абсурдное осмысленно*, и потому, в силу своей исходной противоречивости, оно является *ложным*. Декаданс, будучи чисто формальным явлением, не отбрасывает разум и логику. Он выворачивает их наизнанку. Примеры декадентской эстетики абсурда были приведены выше.

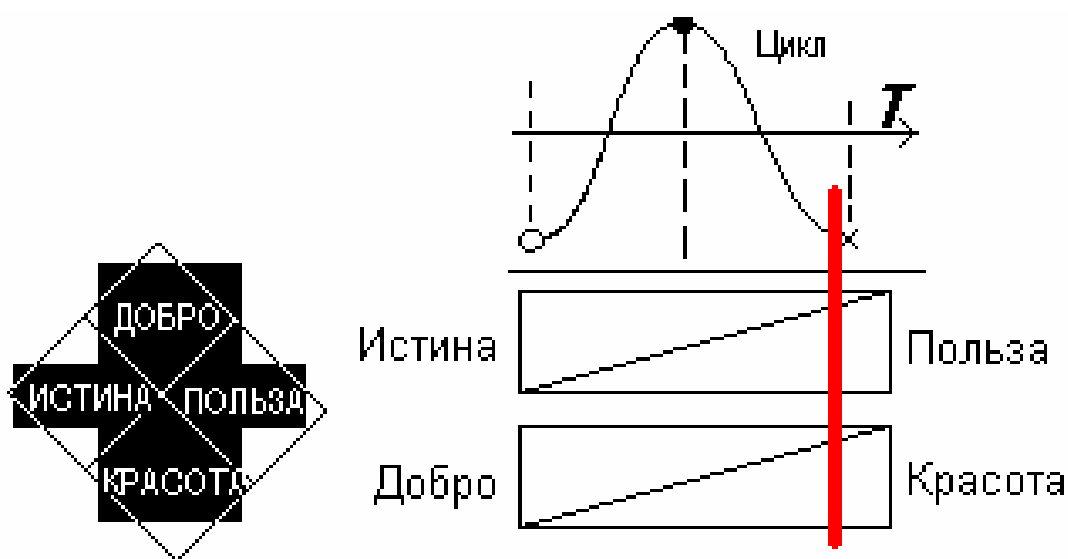
Гедонизм и его обратная сторона – смерть. Некрофилия и попытка укрыться от нее в непрерывных наслаждениях. Поздний Рим и т.д.

Второе смещение – от Духа к Душе, *от добра к красоте*. Это смещение абсолютно точно подметил для конца своего века Л.Н. Толстой: «...эстетичное и этическое – два плеча одного рычага: настолько удлиняется и облегчается одна сторона, настолько же сокращается и становится более весомой вторая сторона. Как только человек теряет моральный смысл, он становится особенно чувствительным к эстетичному» (ПСС т. 53).

Отсюда – чем блистательнее форма, тем больше видна пустота содержания. Движение происходит от содержания в минимальной форме – к «чистой форме» с минимумом содержания, которое закончится абстракционизмом и супрематизмом – универсальностью архетипов.

Формализм с эстетством и есть проявление этой второй тенденции.

Итого декадансам присущи две отмеченных ценностных доминанты:

Красота и Польза! Они «глушат» Истину и Добро. Но дальше, в начале следующего цикла, все будет наоборот: минимум формы, максимум содержания. Поклонение свету всеобщей Истины – вне личной Пользы. Императив Добра для всех – без участия красоты, при минимуме телесной красоты, как в византийском иконоборчестве или в искусстве ислама.